

Историческая правда на нашей стороне

Ответы на самые острые и актуальные вопросы

1999 год

1.

Реформы в стране и мире: мифы и реальность

«...Когда мы пришли в правительство в конце 1991 года, самое большое потрясение, которое я испытал, было от внезапного понимания отсутствия какого бы то ни было управления ведущими отраслями, всей экономикой. Было ощущение, что самолет летит, а экипаж тихонько выпрыгнул с парашютами...»

Е. Гайдар, 1994 г.

– Егор Тимурович, у части нашего общества существует убеждение, что у Гайдара в 1991–1992 годах ничего не получилось с проведением реформ, что с того времени начался развал экономики в России. Как бы Вы прокомментировали подобные высказывания?

– Егор Гайдар: Тогда, в конце 91-го, на старте реформ, перед нами стояла абсолютно срочная задача. Разваливалась административная система управления. Работа нерыночного хозяйства невозможна без жесткой тоталитарной власти. Крушение КПСС, обслуживающих ее властных инструментов неизбежно повлекло за собой острейший кризис социалистической экономики, в которой перестают работать приказы и отнюдь не начинает сразу работать рынок. Отсюда – тотальный дефицит, реальная угроза краха систем жизнеобеспечения. Деньги не работали. Пятнадцать государственных банков бывших союзных республик печатали рубли, а покупать на них было нечего. Принципиальным был вопрос: сумеем ли мы запустить рыночные механизмы, не допустив голода, в кратчайшие сроки заставить работать рынок, вернуть хотя бы минимальное доверие к рублю, добиться, чтобы на прилавках появились товары, чтобы экономика стала открытой, образовался частный сектор?

Это сделать удалось. Рынок работает, рубль конвертируемый и устойчивый, частный сектор создан, экономика открытая, о дефиците и карточках мало кто вспоминает. Что не получилось? Не удалось совершить переход быстрее, а значит, безболезненнее, ибо здесь каждый лишний год – это дополнительные тяготы для народа.

– Под давлением прокоммунистического Съезда народных депутатов РСФСР Ваше правительство ушло в декабре 1992 года. Вас сменил В. С. Черномырдин. А утверждения о том, что с декабря 1992 год» в России по-прежнему осуществляется не

имеющий перспективы гайдаровский курс, имеют место быть. Провалы правительств В. С. Черномырдина и С. В. Кириенко также объясняют тем, что их программы писались гайдаровским институтом.

– **Егор Гайдар:** Мне очень интересно слышать о гайдаровском курсе, который реализуется после 92-го года.

По моему глубочайшему убеждению, никакого общего курса, который реализовался бы за это время, не было. Была серьезнейшая борьба вокруг направлений экономической политики. Были прорывы, к сожалению, короткие, по отдельным направлениям, были длительные метания и колебания. Любой, кто читает газеты, не может этого не знать.

Когда был гайдаровский курс?

Когда Черномырдин замораживал цены в конце 1992 года?

Когда накачивали денежную массу, «поднимая производство» в 1994 г., и шли к «черному вторнику»?

Когда в эти годы пробуксовывали все структурные реформы и весной 1997 г. (когда в правительство вошли Немцов и Чубайс) пришлось братья за них с огромным опозданием?

Не было гайдаровского курса. К тому же, зачем обижать, скажем, Вольского, Глазьева, Геращенко, Черномырдина и других российских политиков, чьи идеи воплощались с не меньшим усердием, чем гайдаровские, и во всяком случае, в более обширные временные периоды?

Да, были отдельные эпизоды, в которые проводилась достаточно осмысленная экономическая политика: первая половина 1992 года, осень 1993 г., с марта по июль 1997 года, готово было к этому и правительство Кириенко. **Но никакого единого курса не было.**

– **И все же, Егор Тимурович, почему же, например, Польша в экономических успехах далеко опережает нас, а ведь при социализме этого не было?**

– **Егор Гайдар:** Потому что в Польше был реализован курс радикальных реформ, который у нас получил журналистское название «шоковой терапии». Потому что, несмотря на все колебания в составе польского правительства, линия на финансовую стабилизацию, радикальные рыночные реформы и скорейшую интеграцию в европейские структуры была последовательно проведена. Поэтому экономический рост в Польше начался через 3 года после начала падения производства – у нас он не начался до настоящего времени.

Именно поэтому цена экономической реформы там оказалась несравненно меньшей. Польские политические лидеры в отличие от наших оказались способными прийти к консенсусу по принципиальным направлениям. Видимо, сказалось и то, что они лучше понимали процессы перехода к рыночной экономике и чувствовали большую ответственность за качество жизни своего народа.

– А насколько велика вина вашего и последующих правительств в том, что Россия наделала много внешних долгов, которые придется выплачивать будущим поколениям?

– Егор Гайдар: Давайте разберемся с долгами. По состоянию на конец 1994 года, когда были в полной мере упорядочены наши отношения по долгам Советского Союза и Россия уже произвела некие заимствования у международных финансовых организаций, долг России состоял из двух частей: 109 миллиардов долларов – долги СССР и 11 миллиардов долларов – долги проводившей тяжелейшие реформы России.

На сегодняшний день совокупные долги России (включая советский долг) составляют около 150 млрд. долларов. Значительная часть этого прироста обусловлена начислением процентов по долгу СССР. Мы занимаем у Международного валютного фонда, чтобы выплачивать проценты по долгам бывшего Союза и гасить часть его задолженности, которая осталась неурегулированной.

Советский Союз, безусловно, имел периоды значительного экономического роста. Понятно, что для этого требовалось значительное финансирование. Серьезные политологи и экономисты знают природу развития при социализме. Источники хорошо известны: с начала 30-х до конца 50-х – развитие за счет разорения деревни. Затем – за счет нефтяной ренты с уникальных по низкой стоимости добычи богатейших месторождений Западной Сибири. С 80-х годов – за счет быстрого наращивания внешнего долга и продажи валютных и золотых запасов. Сейчас за это приходится расплачиваться.

– Егор Тимурович, что же получается? Реформаторы получили в наследство от последних правительств Советского Союза и правительства РСФСР Силаева одни долги. Очевидно, все ваши надежды были связаны с помощью Запада, с Международным валютным фондом (МВФ), а она практически не последовала.

– Егор Гайдар: Уникальность российских реформ состоит в том, что они начинались как раз без взаимодействия с МВФ. Тогда мы не были членами Международного валютного фонда, других финансовых организаций. МВФ не понимал, что здесь происходит, с кем надо иметь дело. Поэтому сотрудничество с Фондом началось значительно позже, чем стартовали реформы, что, конечно, не помогло нам в решении острейших финансовых задач.

Надо сказать, мы все это понимали и отдавали себе отчет, что на крупные займы в начальный период реформ рассчитывать нельзя. Напомню хотя бы положение программы на 1992 год, где мы ставили себе задачу свести бюджетный дефицит к минимуму, чтобы не зависеть от кредитов. Поэтому, несмотря на молодость, наше правительство было не столь наивно, как кажется.

– И тогда Гайдар вслепую скопировал «шоковую терапию» с соседних стран и не придумал революционного прорыва, подходившего России, учитывающего ее национальные особенности?

– Егор Гайдар: Своим оппонентам я бы посоветовал чаще опираться на логику. Они видят успехи Польши, где именно «шоковая терапия» дала хороший результат, и тут же ругают российских реформаторов за то, что они пошли тем же путем. На самом деле, как я уже отвечал выше, в силу метаний в нашей стране не была осуществлена последовательная либеральная линия.

Что касается тезиса о том, будто Гайдар пытался что-то слепо скопировать. Любому мало-мальски образованному экономисту с самого начала было ясно: копировать абсолютно невозможно. Ситуации, в которой оказалась Россия в 1991 году, никогда в мировой экономической истории не было. Никогда не разваливалась держава, в которой 75 лет существовала социалистическая экономика, никогда это не совпадало с крахом всей системы управления, никогда полтора десятка центральных банков бывших союзных республик одновременно не печатали общую валюту и т.д.

Да, отдельные элементы опыта, в том числе стран, уже начинавших выходить из социализма, – Польши, Чехии, как и опыт послевоенных стабилизации, мы хорошо знали и постарались использовать. Но российская ситуация требовала новых решений, порой – предельно рискованных, на которые приходилось идти.

Возьмем маленькую, частную, но принципиально важную задачу. Зарубежные эксперты считали, что нужно сохранить общую рублевую зону. Мы же были убеждены, что общая рублевая зона работать не будет, что мы получим масштабный импорт инфляции в Россию, который перечеркнет все наши стабилизационные усилия. Дальнейшие события подтвердили, что мы полностью были правы. Таких примеров можно привести немало, так что ни у кого ничего списывать было невозможно.

– У каждой реформируемой страны были национальные модели преобразований – в США при Рузвельте, в послевоенной Германии, во Франции, в Чили, Японии, Китае, – которые быстро дали результаты. Наши же реформаторы абсолютно не учитывали народную идеологию. Как Вы относитесь к этому упреку?

– **Егор Гайдар:** Тема приспособления к России моделей реформирования всех перечисленных стран широко обсуждается в экономических, политических кругах и СМИ еще с горбачевских времен.

Оценки «взрывных реформ», которые, по мнению многих оппонентов, сразу давали осязаемые результаты, часто не учитывают всю сложность процессов, сопровождавших или сопровождающих эти реформы.

Рузвельтовский новый курс, провозглашенный в 1933 году.

Напомню, что в 1937–1938 годах восстановление американской экономики сменилось новым падением, что в 1938 году уровень валового внутреннего продукта (ВВП) был существенно (на 12%) ниже, чем в 1929 году, что только военные заказы, связанные со Второй мировой войной, существенно переломили тенденцию. И учтите, все эти годы титанических усилий ушли не на коренную, революционного типа перестройку экономики, а на более точную ее настройку.

Еще один миф – чудесное возрождение послевоенной Японии якобы благодаря коллективизму и планированию. На самом деле в Японии была проведена очень жесткая стабилизационная политика – приблизительно то, что мы называем сейчас «шоковой терапией». Причем реформы, которые шли под диктат оккупационных властей, оказались отнюдь не легки для народа и вовсе не так быстро дали результаты, как представляется. В 1953–1954 годах все авторы, писавшие про Японию, были полны глубокого пессимизма по поводу перспектив японской экономики. Они считали, что Япония никогда уже не поднимется, на всю жизнь останется нахлебницей Запада. Лишь в 1956 году японцы достигли довоенного уровня душевого ВВП. И только в начале шестидесятых годов отношение к Японии радикально меняется – всем становится понятно, что это быстрорастущая страна с огромной перспективой. Я хотел бы, чтобы мои оппоненты самостоятельно посчитали, сколько лет для этого понадобилось японцам.

«Экономическое чудо» послевоенной Германии. В России издано много книг о «немецком чуде» и о его творце Эрхарде. Но почитай те, что писали о Людвиге Эрхарде и немецких реформах социал-демократические оппоненты в то время. Например: «Все положения и теория, которые нам преподносил федеральный министр народного хозяйства (Эрхард. – Е.Г.), окончательно потерпели крах. Вся его политика кончилась провалом». Или: «Эта экономическая политика катастрофична». И только к 1956 году оппозиция стала высказываться, как вспоминал Эрхард, несколько более примирительно.

Чили при Аугусто Пиночете. Приведу лишь несколько фактов, которые желательно знать всем, кто на уровне общих знаний интересуется экономическими реформами. Экономика Чили во время социалистического эксперимента была

деформирована гораздо слабее, чем в России. При Альенде там, действительно, был устроен эксперимент с накачкой денег, попыткой заморозить цены, провести национализацию. Но все же это было попыткой и длилось недолго. В 1973 году последовал военный переворот, цены разморозили и, как и у нас, прилавки наполнились продуктами. То есть первые результаты были получены сразу. А вот дальше все было очень непросто. Примерно 3 года – и это при условиях авторитарного режима, сильной экономической команды и более благоприятной структуры хозяйства – ушло на то, чтобы снизить уровень инфляции. Начавшийся в самом конце 70-х годов экономический рост оказался неустойчивым, сменился падением на фоне мирового финансового кризиса. Только с 83-го года, через 10 лет после начала реформ, в Чили восстанавливается устойчивый экономический рост, и лишь к 86-му году по объему ВВП на душу населения эта страна выходит на уровень 1971 года.

Конечно, потом, когда за этим следует десятилетие динамичного роста, самого высокого в Латинской Америке, разговоры о «чилийском чуде», которое произошло быстро и просто, становятся обыденным элементом легкого чтения и, видимо, отсюда переходят в аргументы многих маститых политологов.

Особо следует остановиться на Китае. Эта тема, пожалуй, величайшее недоразумение во всем спектре обсуждаемых альтернатив. К 1978 году, когда Китай начал серьезно менять траекторию своего развития, по производству валового внутреннего продукта на душу населения, по доле населения, занятого в сельском хозяйстве, и многим другим структурным показателям эта страна очень напоминала Россию 1929 года. В Китае была огромная избыточная занятость в примитивном сельском хозяйстве, где сотни миллионов людей пребывали на грани голода, никаких социальных гарантий для подавляющего большинства населения не было, как, впрочем, нет и сейчас.

Китай тоже пытался наращивать экспорт нефти, решать проблемы аграрного сектора на основе импорта продовольствия. В конце концов стало ясно, что дальше по социалистическому пути идти невозможно. При очень низком уровне индустриального развития Китай получил возможность формировать свой новый частный индустриальный сектор не на месте старого госсектора, а рядом – и это очень важное отличие от ситуации в России.

Первое, что там затронуло подавляющее большинство населения, – это шоковая аграрная реформа, деколлективизация. Ее значение для Китая сопоставимо с тем несостоявшимся в нашей стране событием, как если бы Сталин распустил колхозы сразу после войны. Причем процесс шел отнюдь не по гениальному замыслу Дэн Сяопина. Если посмотреть китайские документы, то можно узнать, что коммунистическое руководство

сначала пытались сдерживать развитие подворного подряда, ограничить его применение территорией отсталых районов. Но движение к подворному подряду в крестьянской стране вспыхнуло, как пламя, и остановить его было невозможно. В 1980 году коммуны были распущены повсеместно, хотя это совершенно не вытекало ни из каких принятых документов.

Кстати, Зюганов, тоже хвалящий «китайский путь», мог бы взять на вооружение хотя бы этот первый этап китайских реформ.

Когда совершился радикальный перелом в деревне, у китайцев появилась возможность использовать огромный высвобождающийся потенциал для того, чтобы создавать мелкую и среднюю, ориентированную на внешний рынок частную и получающую промышленность. Например, «половодье» пуховых курток, с которым знакомы россияне, как раз оттуда, из китайской деревни. Можно себе представить, какое оживление внесло это раскрепощение в ужасающе бедные аграрные регионы страны. Так был получен первый прирост производства. Да, в Китае долго оставался госсектор с 18 % населения, занятого в нем, – что в 79-м, что в середине 90-х. Явно неэффективный, он потреблял огромную долю кредитных ресурсов – до 75–80 %. Но так как он был островком (это же не огромный советский индустриализованный материк с беспрецедентным по масштабам военно-промышленным комплексом), то его можно было довольно долго поддерживать за счет ресурсов, которые высвобождало новое сельское хозяйство и возникший частный сектор.

Вывод из китайского опыта таков: индустриализация может идти по разным направлениям. Когда сейчас восхищаются высокими темпами китайской индустриализации, следует напомнить: на том же уровне развития – в первые пятилетки – темпы индустриализации и роста ВВП у нас были сопоставимы с китайскими. *Другое дело, что тогда в СССР формировалась уродливая индустриальная структура, которая раньше или позже должна была потянуть страну вниз, а в Китае рождался ориентированный на рынок, интегрированный в мировую экономику частный сектор.*

Поэтому своим коммунистическим оппонентам я посоветовал бы задаться простым вопросом – почему ни Сталин, ни все последующие коммунистические правители, кстати, имевшие неограниченную власть, не пошли в свое время путем, который теперь называют китайским и который ими превозносится.

Можно обсуждать, была ли у Сталина альтернатива типа китайской в 1929 или в 1945 году. Можно ли было еще успеть сесть на этот уходящий поезд эффективной экономики в самом конце 50-х, когда доля занятых в сельском хозяйстве России составляла 50 %. Но всерьез рекомендовать России стратегию китайских реформ даже

применительно к началу горбачевского периода – к 1985 году – могут только несерьезные экономисты и политики.

Я очень желаю китайскому руководству и китайскому народу пройти следующий этап реформ без потрясений, но опасаясь, что все самые серьезные неприятности у этой страны впереди. В Китае понимают потенциальные риски, и потому решили сбросить с госбюджета индустриальных монстров, которых так долго удавалось кормить за счет частного сектора. Дальше продолжать ту же губительную политику стало просто невозможно.

– Валовый внутренний продукт в России сегодня ниже, чем валовый внутренний продукт в РСФСР, примерно на 30 %. Промышленное производство упало более чем в половину. А количество семей, имеющих машины, за это время увеличилось вдвое. Может это вместе быть правдой?

– Егор Гайдар: Может. Социалистическая экономика по своей природе была прямым аналогом экономики Египта периода строительства пирамид. Когда их строительство прекратилось, какая-то часть ресурсов перераспределилась в ремесло и сельское хозяйство, то есть благосостояние какой-то части населения выросло.

Когда разваливается социализм, совершенно неизбежно начинается падение производства, потому что идет постепенное перераспределение ресурсов из неэффективных видов деятельности – в новые, эффективные. Причем из-за влияния рынка и конкуренции это не тот процесс, который вы можете организовать упорядоченно.

У нас в отличие, скажем, от Польши была недостаточно последовательная политика реформ, поэтому период падения производства растянулся (и продолжает тянуться) не на три года, а на большее число лет. Падение оказалось в результате гораздо более глубоким, чем оно должно было быть. А предпосылки роста оказываются гораздо хуже сформированными.

При этом в России сегодня экономическое положение неизмеримо лучше и стабильнее, чем оно было в 1991 году. За это время пройден огромный путь к формированию базы рыночной экономики. Но из-за отсутствия систематической и последовательной политики переход оказался социально более болезненным, чем он должен был быть. Падение производства больше, падение доходов больше, период падения и период социальной дезорганизации дольше и так далее. Мы довольно дорого заплатили за истеричные крики «патриотов и борцов за народное счастье», которые уверяли и уверяют, что радикальные реформы в России не нужны.

Еще раз о «халявной» приватизации

«...О приватизации в постсоветских странах можно спорить долго. Всюду было недовольное большинство населения. Не будет преувеличением сказать, что приватизация в России была проведена относительно успешнее, чем в большинстве бывших республик СССР, ставших самостоятельными государствами. Я, например, считаю, что приватизация относительно успешно проведена в Чехии, но убедить в этом чехов очень непросто...».

Е. Гайдар, 1994 г.

– Егор Тимурович, поговорим еще об одной болевой теме – о приватизации. Ваши недоброжелатели утверждают, что «халявная» приватизация не дала эффективного собственника, не принесла роста производства. А надо было навести порядок в государственной собственности, и она давала бы в казну огромные деньги.

– Егор Гайдар: Великолепный рецепт! Поднять эффективность госсектора или хотя бы его части пытались много раз – от совнархозов при Хрущеве, бригадного подряда при Брежневе, ареста прогульщиков в кинотеатрах при Андропове до записанного в программу КПСС научно-технического рывка при Горбачеве. Что же ни у кого ничего не получилось?

Обратимся к опыту других стран. Наиболее характерный пример Болгария. Там в 1991 году начали с либерализации цен, а потом остановились в структурных реформах и оставили подавляющую часть промышленности в руках государства. На практике это обернулось спонтанной, бесконтрольной приватизацией в пользу директоров, которые набрали кучу безответственных займов. Последовал масштабный кризис банковской системы, а в 1997 году – ее крах. Национальная валюта за год упала в несколько десятков раз. Болгары были вынуждены произвести сокращение непроцентных бюджетных расходов в масштабах, которые нам не снились и в страшном сне.

Сообщаю своим оппонентам, что даже коммунисты из нашей Госдумы, изучив вопрос о «вредительской приватизации» с целью «прихлопнуть» ее, пришли к выводу, что частные предприятия работают не хуже государственных, а лучше. Об этом заявила специальная депутатская комиссия. Мне хотелось бы, признаюсь, отыскать страны, где госсектор эффективнее частного.

– То, что рыночная экономика эффективней общегосударственной, в 1991 году понимали многие. Ведь исходную правовую базу приватизации составили два закона о приватизации, принятые Верховным Советом РСФСР в июле 1991 года, т.е. задолго (по быстротечности событий того года) до прихода Гайдара и Чубайса в правительство. Обвиняют же опять вас.

– **Егор Гайдар:** В очередной раз открою «тайну» появления приватизационных чеков. И Гайдар, и Чубайс были против них. Давайте не перевирать историю, давайте вспомним: Верховный Совет действительно принял закон о чековой приватизации до нашего прихода в правительство. Идея целиком овладела СМИ. Для нас это было неприятным ударом, мы хотели проводить приватизацию за деньги. Нам казалось – надо сначала достичь финансовой стабилизации, каких-то элементов рынка, чтобы в стране появились деньги, за которые можно было бы продавать предприятия, и хотя бы относительно рыночная цена этих объектов. Ясно было, что небольшую собственность – мастерские, магазины можно было приватизировать сразу, а остальное пришлось бы оставить на 3 или 5 лет. Зато мы сделали бы все не «халявно», а как Тэтчер, как в Венгрии, где элементы рынка развивались с 60-х годов.

– **Вы и сейчас убеждены в том, что история не дала вам возможности провести именно такую приватизацию?**

– **Егор Гайдар:** Теперь-то я понимаю: мы тогда были неправы. Мы ошибались, намереваясь тащить столько лет на государственном горбу абсолютно неэффективную госсобственность в условиях разваливающейся страны, пустой казны и потери рычагов управления.

Помню, как мы пытались хоть как-то наладить контроль и управление, приглашали на обсуждение этой задачи руководящих работников Госплана и слышали в ответ, что, на их взгляд, экономика неуправляема уже более года. Стало ясно: в таких условиях мы не дождемся финансовой стабилизации, зато неминуемы полное бесконтрольное присвоение собственности, ее расхищение и другие опасные, в том числе в социальном плане, последствия.

Так что пришлось идти по российскому варианту приватизации, указанному Верховным Советом. Кстати, большинство постсоциалистических стран использовали ваучер в том или ином виде, этот метод оказался для них универсальным. Так же универсальны и упреки властям в несправедливости проведенной приватизации – например, в тех же Чехии и Польше.

Оглядываясь назад, скажу о том, что очень хотелось бы поправить, будь у нас тогда большая свобода маневра. Главное – исключить второй вариант приватизации, который

отдавал 51 % акций трудовому коллективу, а фактически – директору. Когда стало ясно: или никакой приватизации, или контрольный пакет фактически бесплатно – трудовому коллективу, то бишь руководителю предприятия, мы вынужденно пошли на компромисс.

Дальше Верховный Совет выставил жесткое требование: не повышать цену предприятий, на которых идет такая приватизация. Теперь, конечно, можно ругать реформаторов за бесплатную раздачу собственности, причем нередко ругают те же люди, которые яростно боролись за снижение цены предприятия.

За кого же так сражались народные избранники? Наивно думать, что они действительно отстаивали интересы трудового коллектива. Я помню, как во время совещания с директорами в Тольятти они требовали: «Отдайте нам не 51 %, а хотя бы 75 %!» Вот чьи интересы защищало коммунистическое большинство первого российского парламента.

– И в результате эффективных собственников в стране так и не появилось?

– Егор Гайдар: Да, мы получили неполноценных собственников – инсайдеров с правом бесконтрольно и абсолютно безнаказанно распоряжаться чужим добром. Конечно, и среди директорского корпуса оказались способные менеджеры, но они были очень редким исключением.

Уже тогда нам было ясно, что этот компромисс с Верховным Советом затянёт структурную перестройку и появление эффективных собственников, но иного выбора обстоятельства нам не оставили.

Нигде и никогда в мире приватизация, каким бы способом она не велась, не считалась справедливой. Ни шахтеры Англии, ни население постсоветских стран не довольны этим процессом. Восточные немцы тоже возмущались, что некоторые их крупные предприятия продали вообще за символическую цену – за одну марку.

Когда с большой похвалой говорят о Дэн Сяопине и приводят его известные слова о кошке, умеющей ловить мышей, хочется напомнить и другое, не менее известное его высказывание: «Не все сразу станут богатыми. Некоторые разбогатеют сначала, другие – потом. Мы должны позволить некоторым людям разбогатеть».

Конечно, мы бы очень хотели, чтобы приватизация была как можно более справедливой, социально приемлемой. Но мы не были ни богами, ни царями, возможности наши всегда были ограничены поиском консенсуса с парламентом и даже внутри исполнительной власти.

Кроме того, хотелось бы спросить: а кто должен был стать в России собственником? Дядя Сэм из-за океана? Так, во-первых, он тогда категорически не хотел к

нам идти, а, во-вторых, все же не хотелось ему продавать основную российскую собственность.

– Егор Тимурович, кстати о богатых и собственниках. Разве их появление и растаскивание крупной собственности началось не при союзном правительстве Н. И. Рыжкова?

– Егор Гайдар: Вы правы. Именно при нем активно создавались так называемые малые предприятия, народные предприятия, псевдоакционерные общества и псевдокоммерческие банки.

А на вопрос, откуда взялись первые собственники в России, можно ответить, приведя маленький пример. Были государственные дачи и были государственные чиновники, которые эти дачи приватизировали. Кто приватизировал, а кто – не приватизировал? Рыжков Николай Иванович – приватизировал, Силаев Иван Степанович, Куликов Анатолий Сергеевич – приватизировали. Да многие приватизировали. А всякие там реформаторы – Гайдар, Чубайс – не приватизировали. Видимо, у нас был разный подход к тому, как надо проводить приватизацию. Мы считали, что ее надо проводить в последнюю очередь для себя, а мощный слой людей, очень сильных, с хорошо представленными интересами, были твердо уверены, что проводить ее надо в первую очередь для себя.

Да что дачи! Кто что опекал, тот и пытался этим овладеть – в министерствах, главках, в обкомах комсомола. Они это и взяли твердо еще до всяких ваучеров, до нашего прихода в правительство. Уже был закон о предприятиях 1989 года, была аренда с правом выкупа, кооперативы и малые предприятия при больших предприятиях, разрешенное компартией полное хозяйственное ведение и т.д.

Вы что думаете, партийно-хозяйственная элита была так наивна, что не понимала, что система вот-вот рухнет и будет заменена рынком? Все понимала и даже законодательно позаботилась о сохранении своей власти над собственностью. Еще за пару лет до всяких путчей и беловежских встреч, между прочим.

Что оставалось нам делать? Посылать армию забирать собственность у директора, начальника главка – отца родного для трудового коллектива? Но это же полная глупость! Так что мы пытались ввести этот процесс хоть в какие-то рамки, хоть под какой-то контроль. На самом деле, скажу откровенно, мы все время пытались у них хоть что-то отобрать, чтобы им осталось не 100 %, а пусть 51 %, раз оставить меньше не получалось.

– Так или иначе собственники в России появились. Жизнь и законодательство должны были выявить и оставить наиболее эффективных. Так?

– **Егор Гайдар:** Есть такая экономическая зависимость, которая называется «теорема Кооза»: *«Не важно, как распределена собственность, важно, что она распределена, права на нее зафиксированы и являются торгуемыми. Тогда собственность неизбежно через некоторое время будет переходить в пользу тех, кто умеет эффективно ею пользоваться»*. Под давлением сложившихся обстоятельств мы были вынуждены принять такую схему: базовый момент – собственность реально в руках директоров, причем в наиболее неэффективной форме, легально плохо оформленной, стимулирующей воровство. Далее, чего мы хотели добиться ваучерной приватизацией: собственность упорядоченно распределена, позиции инсайдеров (директоров) ослаблены, появились первые частные внешние акционеры, скупившие ваучеры, контроль над собственностью перераспределяется из рук инсайдеров в руки эффективных собственников, которые наводят порядок на предприятии.

Конечно, этот путь оказался очень тяжелым в силу слабой общественной поддержки, мощнейшего сопротивления, в том числе экономических и региональных элит.

– **Плюс к этому отсутствие традиции, опыта, дикое невежество в вопросах рынка, откуда-то «неожиданно»- появившаяся страсть только к личному обогащению бывших носителей коммунистической морали...**

– **Егор Гайдар:** Фундаментальное непонимание, которое сквозит во многих публикациях о том, что происходит в России, берет начало в каком-то ирреалистичном представлении, как будто в нашей стране не было вполне осмысленного марксистского образования. Пришел Гайдар – и все разрушил, пришел Ельцин – и повернул не так, а иначе. На самом деле это мощные социально-экономические процессы, это страна, где живут полтора миллиона людей, столкнувшихся с тяжелейшим кризисом, связанным с застоём, упадком и трагическим крушением социалистического хозяйства. Это масса мощнейших интересов, сформированные структуры, многовековые традиции, сложившиеся отношения к собственности, к государству. Все это влияет тысячами разных сил на главный вектор, и область допустимых значений для реформаторов – не широкая площадь, где ты выбираешь: хочу по китайскому или по шведскому, или по американскому пути. Это тоненькая-тоненькая тропинка, по которой приходится карабкаться.

Читая статьи, в которых высказана такая примитивная история мира, я не перестаю удивляться их авторам: они не знают сложную, с уникальной историей Россию, не понимают, как устроена ее экономика, ее социальные традиции. А потому они думают,

что все так происходит, потому что кто-то ни с того, ни с сего взял и начал реализовывать «антинародный гайдаровский курс».

Есть почти три десятка стран, которые входили в социалистическое сообщество. Возьмите на себя труд, изучите их пути. Ведь на самом деле в них до 100 правительств сменилось, что они только не пробовали! Разве можно всерьез верить, что украинский премьер Витольд Фокин был идейным монетаристом, который под влиянием романтических убеждений начал осуществлять радикальные реформы?

Или белорусский премьер Вячеслав Кебич, он что – маэстро рыночных реформ с дипломом Гарварда? Или Петру Роману, глава румынского правительства, для которого в то время главным стержнем была идея обойтись без шоковой терапии и делать все не так, как в Польше? И к чему привели альтернативные курсы их правительств Украину, Белоруссию, Румынию?

Ни одна индустриальная постсоциалистическая страна не показала, что можно идти другим путем – без приватизации, финансовой стабилизации, структурной перестройки – и получить хорошие результаты.

3.

Кто же обесценил вклады населения в 1992 году?

«...Кого в первую очередь жалко, так это людей старшего поколения. По многим причинам им намного труднее приспособиться к изменениям в жизни общества, наступившим после краха социализма. И если более молодые поколения граждан нашей страны не смогут в ближайшие годы улучшить их жизнь, то это будет очень плохо и печально...».

Е. Гайдар, 1998 г

– Итак, Егор Тимурович, о Вас говорят, что Вы развалили советскую экономику, обесценили вклады граждан, совершили массу других греховных дел. Считаете ли себя виновником за все свершенное или привыкли к подобным обвинениям и не обращаете внимания на них?

– Егор Гайдар: Привыкнуть к таким обвинениям невозможно, поэтому приходилось многократно и приходится до сих пор разъяснять, что же происходило на самом деле.

При некоторых обвинениях вспоминаю героя кинофильма «Кавказская пленница». Помните, ему говорят: «Затем, на развалинах часовни...» – и он, потупя взор, спрашивает: «Простите, часовню тоже я развалил?» – и с облегчением слышит: «Нет, это было до Вас, в XIV веке...».

Так вот, я тоже не разваливал часовен и многого другого.

Что же касается вины...

Наш замечательный писатель Андрей Платонов сказал примерно следующее: «Без меня народ неполный». Этой фразой он подчеркнул значение отдельного человека, отдельной личности, его ответственность перед обществом. Для себя я продолжаю мысль Платонова: *«Да, я чувствую себя за многое, происшедшее в нашей стране, в ответе перед своим народом, своей совестью»*. Давайте лишь уточним, что я понимаю под этим.

– **Давайте еще раз начнем с экономических бед, которые связывают с вашим именем.**

– **Егор Гайдар:** Небольшое сравнение с недавней ситуацией. Смотрите – теперь уже бывшее правительство Примакова–Маслюкова пришло править страной, у которой валютные резервы превышают 12 млрд. долларов, худо-бедно работающие экономика и финансовая система. Да, в наследство правительству перешли от предыдущих правительств большие внутренний и внешний долги.

Наше молодое, начавшее в 1992 году реформы в стране правительство не имело ни цента валютных резервов, золотой запас также был почти промотан и те же громадные внешний и внутренний долги, оставленные нам правительствами Рыжкова, Павлова.

Не было у нас осенью 1991 года прекрасно работающей (даже плохонько работающей) экономики. Далее. Старая система управления экономикой (фактически социалистической экономикой СССР) полностью развалилась. Новую систему управления вводимой рыночной экономики еще предстояло создавать. В результате экономика страны находилась в самом опасном состоянии – в свободном падении. И почему-то это падение не могли приостановить правительства Рыжкова, Павлова, Силаева, да и охотников выправлять положение что-то не находилось.

– **Егор Тимурович, многие забыли, многие просто не верят, что было так плохо...**

– **Егор Гайдар:** Хорошо, они не верят Егору Гайдару. Но, надеюсь, они еще помнят Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), в обращении которого к народу были и следующие слова: *«...Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых*

один шаг до массового проявления стихийного недовольства с разрушительными последствиями...». Это признание прозвучало в августе 91-го, когда о Егоре Гайдаре никто, кроме близких, не слышал. Понятно, что в ноябре-декабре 91-го положение в стране стало еще более угрожающим.

– И хотя Вы вошли в правительство России в ноябре 1991 года, а в декабре 1992 года под давлением прокоммунистического Съезда народных депутатов передали свои полномочия главы правительства В. С. Черномырдину, Вы все равно и за это в ответе?

– Егор Гайдар: Декабрьская Москва 1991 года – одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Пустые прилавки магазинов. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов. Среднемесячная зарплата – 7 долларов в месяц. Всеобщее ожидание голода и катастрофы.

Так вот – я был в ответе за то, чтобы зимой 1992 года люди не испытали ни голода, ни холода.

Тогда многие говорили о рыночных реформах. Но у нас просто не было иного выхода как начать их, и чем раньше, тем лучше для людей.

Почему так? Потому что, как я уже говорил, три четверти века господствовавшая система тотального регулирования скоростно скончалась, финансовая система рухнула, рубль стал «деревянным». Альтернативой рыночным реформам был «военный социализм» или «военный коммунизм», если хотите. Для этого пришлось бы вводить продразверстку и комиссаров, наверное, с автоматами Калашникова для того, чтобы они отбирали задаром зерно или мыло. Но получилось ли бы такое в конце XX века?

– Так начались либерализация цен, обесценивание вкладов населения и обвинения Вас в безнравственности?

– Егор Гайдар: И продолжение вопроса – несу ли я ответственность за то, что наше правительство лишило людей тех денег, которые они накопили. Так? Давайте поразмышляем. Советские люди, не имевшие возможность купить без многолетней очереди автомобиль, кооперативную квартиру и другие дорогие предметы потребления, несли свои деньги в сберегательные кассы (в сберегательный банк по-современному). Туда же несли свои сэкономленные рубли пенсионеры и малообеспеченные люди. То есть люди отдавали свои деньги в долг сбербанку.

С 1967 года советские правительства стали регулярно забирать деньги в сбербанке на свои многочисленные расходы. Вначале изымалось понемногу – по 2–3 миллиарда рублей в год. Потом все больше и больше. С середины 80-х объемы изъятий из системы сберкасс на финансирование дефицита бюджета перевалили за 10 миллиардов рублей в

год. К концу 80-х – до 20 миллиардов. В конце правления правительства Рыжкова все, что было в сбербанке, было изъято на военные расходы, войну в Афганистане, на помощь братским режимам, на неэффективную экономику и т. д.

Нашему правительству реформаторов оставили нулевые валютные запасы, около 110 млрд. долларов долгов и проблему со сбербанком, сейфы которого были также пусты. Это суровая реальность, имеющая достоверное бухгалтерское подтверждение. Так кто же обесценил вклады населения в 1992 году?

Поэтому, когда меня продолжают обвинять в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, в жестких мерах, приведших к обесцениванию и без того «пустых» вкладов в сберкассах, мне всякий раз приходит на память эта страшная картина зимней Москвы, ощущение того, что запасов зерна хватит лишь до февраля 1992 года, что в большинстве регионов страны действуют не обеспеченные ресурсами талоны на продукты питания и товары первой необходимости.

И я убежден, что делом самой высокой нравственности в то время было спасение людей от голода и холода.

– Значит, «не крало», Егор Тимурович, ваше правительство народных денег?

– Егор Гайдар: Отвечу грустной шуткой: даже если очень хотело бы «украсть», не смогло бы – *все было «украдено» до нашего правительства.*

– А могло ли правительство Гайдара компенсировать людям их обесценившиеся вклады?

– Егор Гайдар: Отвечу честно – в 1992 году не могло бы. Опыт послевоенной Германии говорит, что для индексации вкладов необходимы: стабильная валюта и растущая экономика. Именно к этому мы стремились в 1992 году. Мы пришли в правительство в условиях тяжелейшего кризиса и, работая в нем совсем недолго, сделали немало для того, чтобы кризис был преодолен. В стране не случилось ни голода, ни катастрофы. Практически исчезли дефицит и очереди. Заработал рубль. И главное – была раскрепощена инициатива сотен тысяч россиян. К концу 1992 года страна была неизмеримо более стабильной, чем в 1991 году. Но для того, чтобы всерьез ставить вопрос о компенсации вкладов, необходимо было еще несколько лет твердого реформаторского курса, восстановления устойчивого роста экономики на рыночных основах.

– Ваши преобразования экономики России были в основном рациональным исследованием или экспериментом? Были ли допущены ошибки, если были, то какие? Что бы Вы сделали сейчас?

– Егор Гайдар: Наши преобразования опирались на экономическую науку, экономическую теорию. Есть развитые страны с социально ориентированными

рыночными экономиками. Был небольшой опыт у некоторых постсоциалистических стран, например Польши, Чехии, по переходу к рыночной экономике. Но теории перехода от социалистической экономики к рыночной, тем более для страны, жившей 75 лет при социализме, естественно, не было.

Поэтому были и ошибки, и компромиссы. Но каждый раз, когда мы под давлением обстоятельств отступали от своих задумок, всякий раз это было плохо.

И если бы мы начинали в 1992 году, имея опыт, который имеем сегодня, мы делали примерно то же самое, но с гораздо большей убежденностью.

– Может быть, поэтому в селении Куркачи Высокогорского района Республики Татарстан имеется единственная пока в России улица Егора Гайдара?

– Егор Гайдар: Я не претендую на столь высокую честь, хотя и благодарен своим татарским друзьям.

А вот своей деятельностью приблизить время, когда россияне почувствовали бы улучшение жизни от либеральных реформ, – *за это мы все в ответе.*

4.

Историческая правда – на нашей стороне

«...России предстоит пройти очень серьезный путь, чтобы она действительно стала демократической страной с рыночной, устойчивой и стабильной экономикой. России предстоит самой решить свои важнейшие задачи, самой определиться. Выбор зависит исключительно от населения России...»

Е. Гайдар, 1999 г.

– Егор Тимурович, многие политики нелестно отзываюся о либерал-монетаристах Гайдара и крахе их рецептов. Почему же, действительно, макроэкономические рецепты не сработали и финансовая стабилизация оказалась пшиком? И страна в который раз встала на край пропасти – не помогли ни присутствие молодых реформаторов Немцова и Чубайса в 1997 году, ни смена правительства Черномырдина, ни уход в отставку правительства Кириенко соответственно в марте и августе 1998 года?

– Егор Гайдар: К сожалению, 1997 год так и не стал переломным годом для российской экономики. К фундаментальным причинам неудач, я бы отнес:

замедление в последние годы проведения экономических реформ, необходимых для нормального функционирования рыночной экономики;

отсутствие политической воли для наведения порядка в государственных финансах;

несоответствие между доходами и расходами государства.

На эти внутренние проблемы сильно повлиял финансовый кризис в мире, кризис в Юго-Восточной Азии. Сам по себе кризис в Юго-Восточной Азии, ухудшавший и осложнявший возможность проведения экономической политики в России, отнюдь не имел для нас неизбежных трагических или даже драматических последствий.

Если вы посмотрите внимательно на документы, факты и цифры, то увидите, что первая реакция российских рынков, международных рынков на кризис в Юго-Восточной Азии по отношению к России была очень спокойной. На протяжении периода между концом октября и примерно 10–11 ноября 1997 года Россия рассматривается инвесторами в качестве одного из рынков, который в наименьшей степени способен пострадать от кризиса в Юго-Восточной Азии. Все те позитивные факторы, о которых я говорил выше, казалось, еще работают на нас.

– Но в середине ноября 1997 года разгорается так называемый скандал вокруг «книжного дела». Причем инспирированная реакция на него явно не адекватна «содеянному», потому что кончается он резким, очевидным ослаблением реформаторов в правительстве. Так?

– Егор Гайдар: Да. За следующие две недели после пика скандала валютные резервы Центрального банка сокращаются на 3 млрд. рублей и уже никогда больше не достигают такого уровня, какого они достигли на 10 ноября 1997 года.

С этого времени в финансовых кругах начинается радикальное переосмысление того, а что же будет в России. Значит, правительства, способного проводить реформы, больше нет. Правительственный курс становится слабым и неопределенным. Правительство принимает противоречивые решения. Налоговая реформа откладывается. Выясняется, что Россия далеко не так привлекательна, как это казалось буквально два месяца тому назад. Ведь на протяжении 1997 года российский фондовый рынок, через который притекают в значительной степени ресурсы в Россию, рос быстрее, чем в любой другой стране мира на протяжении любого года между 1995 и 1997 годами.

– А дальше международные инвесторы стали сокращать свои портфели российских ГКО и одновременно предпринимать меры, направленные на вывод денег с рынка, увеличивая спрос на валюту?

– **Егор Гайдар:** Нет ничего удивительного в том, что, если в предшествующем полугодии российский рынок рос быстрее, чем любой другой, то в течение следующего полугодия российский рынок будет падать быстрее, чем любой другой рынок в мире. Просто радикально меняется понимание того, что здесь дальше будет происходить. Это имеет значение отнюдь не только для финансовых спекулянтов, это имеет огромное значение для нормальной жизни каждого российского человека.

– **Вы можете привести примеры ошибок, в той или иной мере повлиявших на ухудшение положения?**

– **Егор Гайдар:** Уже в ноябре 97-го, в период первой волны финансового кризиса, денежные власти явно переоценили собственные возможности, полагая, что смогут одновременно поддерживать и рынок ГКО, и рубль, и банковскую систему. На эту поддержку ушло 6 миллиардов золотовалютных резервов за месяц. После этого у нас никогда уже не было нормального соотношения между резервами и обязательствами. Расширение валютного коридора в декабре было недостаточным, чтобы сохранить резервы в случае роста спроса на валюту, но достаточным, чтобы породить сомнения инвесторов в способности Центробанка противостоять спекулятивному давлению.

– **Егор Тимурович, а были ли какие-то шансы у правительства Кириенко изменить ситуацию к лучшему?**

– **Егор Гайдар:** Надо понимать, что, даже сформировав самую хорошую программу и приличный состав, правительству невозможно сразу остановить накопившуюся мощную инерцию отрицательных тенденций.

Было молодое правительство, которое предполагало делать правильные и хорошие вещи, а параллельно были растущий государственный долг, высокие расходы на его обслуживание, была неясная ситуация с валютными резервами, поэтому никто этому правительству никакой «бархатной» жизни не гарантировал. И оно буквально в первые дни своей жизни столкнулось с серьезнейшими финансовыми проблемами.

– **Поэтому 17 августа 1998 года произошло событие столь ожидаемое, сколь и непоправимое?**

– **Егор Гайдар:** Решение, принятое Правительством и ЦБ, является очень плохим, очень опасным и одновременно неизбежным.

Почему мы всегда были категорическими противниками девальвации? Потому что в наших условиях – реальных российских условиях – девальвация могла идти только в пакете либо с гиперинфляцией, если мы не реструктурировали долг, либо с реструктуризацией внутреннего долга, которая означает нарушение государством своих обязательств и создает серьезные трудности для банковского сектора. Главная проблема –

Россия накопила (в первую очередь – в 1996 году) очень большой короткий рублевый долг. Это была рискованная тактика, связанная с финансированием значительного дефицита бюджета, и эта тактика могла работать до тех пор, пока рынки были спокойны. Как только возникли сомнения, что Россия сможет обслуживать свой долг, рынки закрылись, и выяснилось, что обслуживать долг из текущих доходов просто невозможно. Нужна была крупная официальная помощь по линии МВФ, на этой базе – восстановление доверия рынков, на этой базе – возможность финансировать долг за счет более дешевых и более длинных заимствований, одновременно направляя основную часть текущих доходов бюджета на зарплату врачам, учителям, военным и другие нужды.

– Ваша реакция на решение Президента отправить в отставку правительство Кириенко?

– Егор Гайдар: Считаю, что это вторая серьезнейшая ошибка Ельцина за время его президентства – вторая после Чечни. И последствия – не менее серьезные.

Первое последствие – паралич работы правительства в тяжелейших условиях, когда необходима согласованная и четкая работа.

Второе – неопределенность политического курса.

Третье – утверждение нового премьера толкало на компромисс с левой оппозицией. В то время, как экономическая логика требовала предельно жестких действий по реанимации ослабевшего рубля, несостоявшееся премьерство Черномырдина и утверждение правительства Примакова привели лишь к потере времени, которое было столь необходимо для того, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Вспомните, что между 17 и 23 августа массовой паники не было. Падение курса, закупка всех продуктов – это уже развитие событий после назначения нового «и.о.», когда становится ясно, что дальнейшая экономическая политика абсолютно туманна, а к финансовому кризису добавился кризис политический.

– Вы называли правительство Примакова–Маслюкова «левокоммунистическим». Представители правительства уверяли нас, что это правительство «профессионалов». Более того, мы обязаны Евгению Примакову некоей стабилизацией в обществе. Устраните это противоречие.

– Егор Гайдар: Давайте посмотрим: кто поддержал это правительство в Думе, кто голосовал за него? Это же политический процесс. Главное решение политической силы это поддерживать или не поддерживать правительство. Правительство было сформировано при энергичной поддержке КПРФ, ее основных союзников в Думе – фракции «Народовластие» и фракции аграриев и при поддержке «Яблока» и НДР.

Кто занял ключевые посты в правительстве? Первый вице-премьер – экономический лидер КПРФ, председатель думского Комитета по экономической политике Юрий Маслюков. Экономический лидер аграриев, бывший заместитель председателя Комитета по бюджету господин Кулик. Новый министр по антимонопольной политике и развитию предпринимательства господин Ходырев – бывший первый секретарь Горьковского обкома КПСС.

Ситуация, на мой взгляд, предельно понятная. Ясно, на какие политические силы опиралось это правительство. Откуда оно в основном брало своих ключевых игроков. Так что, как бы ни называло себя это правительство, оно, конечно, теснейшим образом было связано с левокоммунистическими фракциями. Кстати, коммунистические газеты того времени недоумевали по поводу того, «что Примаков от нас отрекается, претендует на то, что у него какое-то технократическое правительство».

– **Егор Тимурович, в одном из интервью, в котором речь шла о реальной стабилизации в России, бывший вице-премьер бывшего правительства Примакова Ю. Маслюков «скромно» заявил следующее: «Отвечу откровенно: если не мы, то никто». Вы согласны с такой самооценкой правительства Примакова?**

– **Егор Гайдар:** Очень хотел бы, чтобы любое правительство, в том числе и ушедшее в отставку правительство Примакова, добилось успехов по выводу страны из кризиса.

По поводу интервью Ю. Маслюкова. Приведу известную восточную мудрость: «Имеющему в кармане мускус не надо говорить об этом». Мускусом из кармана Маслюкова явно «не пахло», что в переводе на язык экономики означало, что дела у команды Примакова шли не так хорошо, как всем россиянам хотелось бы. К сожалению, за время работы правительства Примакова произошли рекордное за всю историю преобразований снижение реальных доходов населения и рекордный рост доли бедных среди населения страны.

Положительным же в его работе явилось то, что *правительство Примакова поняло*, что возвращаться в социализм *невозможно*, а экспериментировать с *крупномасштабной денежной эмиссией опасно*, и поэтому оно не выступило против рынка, частного сектора, иностранных инвестиций. Кстати, правительство в первые месяцы своей работы было явно растеряно и не знало, что делать. А это, среди прочего, означало, что все заверения Зюганова о том, что у коммунистов имелась программа стабилизации положения в стране, оказались, как мы и предполагали, дешевыми агитками. *Если же судить по делам фракции КПРФ и ее союзников, то, если вы посмотрите их бюджетные голосования в Госдуме, а это важнее всяких*

программных деклараций, увидите суть их экономических желаний – это всегда увеличение государственных расходов, сокращение доходов, увеличение бюджетного дефицита.

Вот три простых элемента данной программы. Напечатать много денег, разделить эти деньги, ввести различные формы регулирования с тем, чтобы можно было управлять. Причем эта практика вырастает из предшествующего опыта, из того, что делают коммунистические губернаторы, как только становятся избранными.

– Нам не следует забыть в ближайшие годы про либеральные реформы?

– Егор Гайдар: Давайте посмотрим. У нас было «левокоммунистическое» правительство, не способное проводить либеральные реформы. Мы выяснили, что оно не хочет возвращаться в социализм, боится. Оно боится печатать деньги. Именно *оно и показало, что нельзя проводить в России какую-нибудь иную осмысленную экономическую политику, кроме либеральной.*

По моему глубокому убеждению, именно в сегодняшней России с ее реалиями, бюджетом, налоговой дисциплиной, налоговой нагрузкой, уровнем коррупции в государственном аппарате и т. д. можно проводить либо либеральную политику, либо наблюдать за тем, как экономика разваливается на части при полностью бессильном и беспомощном правительстве. Поэтому вопрос о выборе либеральной политики или нелиберальной политики в России на самом деле не стоит. Она обязательно будет либеральная. Другое дело, через какой период времени и сколько мы будем вынуждены заплатить за период отсутствующей политики.

Правительство Примакова быстро убедилось, что необходимость контролировать бюджетный дефицит – не выдумка доктринеров-монетаристов, а объективная реальность нашей жизни. И жизнь будет к этому подталкивать любое мало-мальски ответственное правительство. Вот отсюда уже идет нарастающая риторика по поводу жесткого и сверхжесткого бюджета. Но говорить о жесткой политике мало – ее надо еще уметь проводить.

– И все же, Егор Тимурович, авторитет, не скажу правительства, скорее, Примакова вырос в то время, а популярности реформаторов 17 августа 1998 года был нанесен еще один серьезный удар. Не ожидают ли реформаторов в этом году, да и в ближайшие годы, очередные разочарования?

– Егор Гайдар: Нет, я так не считаю. Сегодня мы более настойчиво должны объяснять, что происходило в стране и почему. Мы должны попытаться мобилизовать сегодня тот политический слой, слабость и неорганизованность которого во многом проложили дорогу нынешней катастрофе. Потому что очень много людей в России за

последние годы привыкли жить при капитализме, при этом не думая о том, что этот капитализм надо защищать. На самом деле, очень многие в России реально выиграли от реформ. Именно эта часть общества оказалась политически в максимальной степени демобилизованной, именно эта часть общества как бы ушла со страниц газет, именно ее позиция политически не была представлена ни по радио, ни по телевидению.

– Есть мнение, что именно Вы изменили ход, плавное течение российской истории. Кто-то Вас считает героем, кто-то – Геростратом. Вторых, надо признать, гораздо больше. Как Вы думаете, наступит ли в России время, когда будет больше первых, которые Вам скажут спасибо? Вы втайне ждете этого времени?

– Егор Гайдар: Исторически – да, я убежден, что это время наступит.

Сравнительно недавно я прочитал книжку Яцека Куроня «Семилетка, или Кто украл Польшу». Проведение реформ в Польше сопровождалось большей политической поддержкой, преимуществом курса. Там много сделано из того, что мы с самого начала прокламировали, хотели, за что боролись и т.д. У реформаторов Польши было больше времени на проведение реформ. В результате польская экономика растет, последние пять лет являясь одной из самых быстрорастущих в Европе.

И при этом уровень ненависти по отношению к тем, кто начинал реформы, практически тот же самый, что и у нас (Яцек Куронь специально исследовал этот феномен). Я хорошо понимаю почему. Общественное сознание при социализме по своей природе было сознанием инфантильным в отношениях человека и государства.

Что такое государство для нормального, скажем, американца или нормального англичанина? Это агент по выполнению некоторых функций, высокооплачиваемый, уважаемый наемный агент, который регулирует контракты, обеспечивает их выполнение. Но это он делает на деньги налогоплательщиков, у него нет своих денег.

Что такое государство при социализме? Это одновременно строгий отец и добрая мать. Это не наемный агент. Государство при социализме – хозяин, оно может наказывать ослушников, а может конфетку дать и т. д. Но в поздний социалистический период, когда режим явно выдыхается, слабеет, это инфантильное сознание меняет свой знак – теперь государство не справедливый отец, а злой, но слабый и трусливый отчим.

– И тогда должно прийти понимание того, что, когда у тебя разваливается, взрывается коммунистический режим и ты остаешься на обломках, тебе нужно огромным, своим собственным трудом наверстывать то, что не наверстали несколько поколений предшественников, и ни в какой Швейцарии сразу не заживешь.

– **Егор Гайдар:** Именно так. Только такое понимание массовым никогда не бывает. Да, можно совершить огромное экономическое чудо, как в Польше, но все равно ведь в Америке-то жизнь намного лучше, и потребуются по крайней мере лет тридцать, чтобы приблизиться к той жизни.

И разрыв между тем, чего многие люди ожидали, и тем, что реально достижимо, на мой взгляд, самая главная психологическая проблема постсоциализма.

– **Так что – да здравствует либерализм?**

– **Егор Гайдар:** Вообще, когда говорят, что либерализм в России кончился, либералы должны уйти, хочется сказать: давайте не будем ставить экспериментов на России. Кто хочет что-то для себя проверить, может слетать в Болгарию. Ее опыт чрезвычайно поучителен. В свое время на него указывали с надеждой многие наши недруги, призывая вести экономические реформы так, как это делают болгарские социалисты. Но прошло совсем немного времени, и стало ясно, что политика «хозяйственников» привела к гиперинфляции. Болгария вышла из этого кризиса под скандирование массовых демонстраций трудящихся: «Да здравствует МВФ!». Они преодолели то, что у нас называют «центризмом», но за это увлечение им придется дорого платить еще не один год.

Конечно, многим хочется, чтобы неудобства тяжелого постсоциалистического перехода поскорее куда-нибудь провалились, и кажется, что вот если бы не Гайдар с Чубайсом, то и собственность поделили бы, чтобы всем на жизнь хватило, и стычки интересов в стране не было бы, как и преступности, и мир был бы куда ласковее к нам. Но давайте будем мужчинами и научимся мужественно смотреть в лицо фактам. Избавление от иллюзий и заблуждений недаром считают выздоровлением.

– **Вы остаетесь оптимистом даже в столь неблагоприятное для Вас и ваших сторонников время?**

– **Егор Гайдар:** Я абсолютно убежден в том, что новый поворот в российской экономической политике неизбежен. И произойдет он на базе не каких-то верхушечных поворотов, а на базе изменения отношений общества к собственным деньгам, к собственным финансам, к собственной стране. Твердый рубль, твердая власть в России будут, но очень хотелось бы, чтобы они были скорее.

Нет, старыми рецептами не обойдешься, старые структуры не восстановишь. Надо включаться в новые процессы. У России есть для этого серьезная база – напомним одну закономерность: после тяжелого кризиса многие барьеры на пути оказываются сняты.

Да, я оптимист. Уверен – будущее за нами и за демократической, реформированной, с достойной жизнью ее граждан Россией.

История оценит – прав я или нет.